

Заочный юбилей: из истории противостояния и сотрудничества Вольного экономического общества и власти в годы Первой мировой войны

С началом Первой мировой войны Императорскому Вольному экономическому обществу (далее – ВЭО) оставалось немногим более года до полуторавекового юбилея. «Патриотическому обществу для поощрения в России земледельства и экономии», как ВЭО именовалось в плане, составленном в мае 1765 г. его учредителями с придворным библиотекарем Екатерины II И.И. Таубертом во главе, 150 лет должно было исполниться 31 октября 1915 г. Между тем в последних числах октября 1915 г. видные деятели старейшего российского общества обрушились на правительство с критикой. Трибуной для выражения недовольства действиями власти стала столичная печать.

Президент ВЭО ученый М.М. Ковалевский писал в газете «Биржевые ведомости», что 150-летний юбилей Общества существенно выделялся из череды предшественников. Если полувековой и вековой юбилеи ВЭО были ознаменованы «выражениями монаршей признательности» в адрес руководителей Общества, в которых участвовали Екатерина II, Александр I, Николай I и Александр II, то 150-летний юбилей застал Общество «приостановленным в своей деятельности, а лиц, заведующих его администрацией, – бьющимися во все двери, являющимися ко всем начальствам, посылающими письма и телеграммы, остающиеся без ответа»². Секретарь ВЭО историк земства Б.Б. Веселовский сообщал в газете «Речь», что «все непрекращающиеся попытки совета к восстановлению нормальной работы Общества... остаются безуспешными»³. Публицист Д.В. Философов делился своими впечатлениями от ситуации в «Русском слове»: «В холодный день ранней зимы я поехал в барский дом-особняк Общества. Большой зал с белыми колоннами стоит нетопленный. В библиотеке – пустыня. Канцелярия почти не работает. Канцелярские шкапы заколочены досками еще со времени первой мобилизации, когда здание ВЭО было превращено в «сборный пункт». Словом, «где стол был яств, там гроб стоит»»⁴.

---

¹ Туманова Анастасия Сергеевна – доктор исторических наук, доктор юридических наук, профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

Статья подготовлена при поддержке Научного фонда НИУ – ВШЭ, проект № 13-09-00113 «Государство и гражданское общество в контексте адаптации политико-правовой системы России к условиям Первой мировой войны».

² Максим Ковалевский. 150-летие Вольно-экономического общества // Биржевые ведомости. 1915. 30 октября. Утр. вып.

³ Б. Веселовский. Императорское Вольное экономическое общество (31 октября 1765 г. – 31 октября 1915 г.) // Речь. 1915. 31 октября.

⁴ Д. Философов «31-е октября 1765 г.» // Русское слово. 1915. 1 ноября.

Что же случилось с центром экономической и общественной мысли, каким долгие годы являлось ВЭО? Таким вопросом задавались тогда многие. «Почему, – удивлялись «Биржевые ведомости», – когда естественно было бы радоваться, мы стоим перед запертыми дверями ВЭО с потупленными взорами и с гнетущей думой?»⁵. Несколько проясняла ситуацию газета «Современное слово», опубликовавшая статью о судьбе ВЭО со многими купюрами. Ее автор историк и журналист С.Б. Любошиц констатировал, что Вольное экономическое общество «справляет свой юбилей заочно». «То учреждение, которое 150 лет тому назад императрица Екатерина II считала нужным и полезным для крепостной России, – резюмировал публицист, – то для России, прожившей 55 лет после падения крепостничества и 10 лет после введения народного представительства, считается вредным и недопустимым. В нашей молодой культуре столятидесятилетний юбилей общественного учреждения – явление исключительное, но это исключительное явление столкнулось с исключительным положением...»⁶.

Репутация чуткого барометра общественных настроений, проявившего по всем основным направлениям своей деятельности оппозиционность самодержавию, укрепилась за Вольным экономическим обществом еще в 1890-е гг. Как справедливо утверждает В.М. Шевырин, ВЭО стало тогда эпицентром публичных выступлений, и «самый российский либерализм в ходе многочисленных дебатов в Обществе приобрел новые, современные черты»⁷.

Руководимое в 1895–1905 гг. видным общественным деятелем графом П.А. Гейденом и включившее в свой состав земских деятелей Ф.И. Родичева, Петра Д. Долгорукова, Д.И. Шаховского, В.Ю. Скалона и др., ВЭО заметно демократизировалось. По словам принадлежавшего к «земскому кружку» его членов князя В.А. Оболенского, оно стало затрагивать «самые животрепещущие вопросы государственной и экономической жизни» и превратилось в «арену диспутов между народниками и марксистами», ощущавшими потребность в создании общего фронта для борьбы с правительством⁸. В стенах ВЭО обсуждались проблемы влияния на народное хозяйство голода 1897 г., охватившего значительную часть страны. Здесь велись исследования сельской общины, подоходного налога, денежной реформы С.Ю. Витте, раздавалась критика в адрес постановки в России народного образования.

Недовольство правительства вызвали требования ВЭО об отмене телесных наказаний и о реформе рабочего законодательства. Обсуждение продовольственного вопроса и создание в марте 1898 г. при ВЭО Комитета для помощи пострадавшим от неурожая решительно настроило против ВЭО бюрократические сферы. Комитет включился в работу по сбору пожертвований, командировал своих представителей в страдавшие от недорода губернии, от-

⁵ Петроград, 30-е октября. Почему? // Биржевые ведомости. 1915. 31 октября. Утр. вып.

⁶ С. Любош. Заочный юбилей // Современное слово. 1915. 31 октября.

⁷ Шевырин В.М. Рыцарь российского либерализма. Граф Петр Александрович Гейден. М., 2007. С. 59.

⁸ Оболенский В.А. Моя жизнь. Мои о contemporaries. Париж, 1988. С. 140.

крыл двери своих заседаний для публики. Министр внутренних дел И.Л. Горемыкин обвинил ВЭО в стремлении бороться с правительством на легальной почве и признал его «вредным обществом». Сущность претензий сводилась к тому, что Общество стало трибуной для лиц сомнительной политической благонадежности, использовавших его в целях политической агитации⁹. По мнению историка российского либерализма К.Ф. Шацилло, предметом беспокойства властей стало то обстоятельство, что «... деятельность Вольного экономического общества перестала носить... келейный характер»¹⁰. Общество, консолидировавшее в XIX столетии верхи дворянства и чиновной бюрократии, стало на рубеже веков центром российской общественности¹¹.

«Поход» Горемыкина против ВЭО завершился изданием высочайшего повеления от 8 апреля 1900 г., наложившего на его действия ряд ограничений. Обществу был временно запрещен созыв публичных собраний. Образование комиссий и комитетов было подчинено надзору министра земледелия и государственных имуществ, расширялись полномочия президента и Совета ВЭО и др. Организаторы кампании против ВЭО были одолеваемы идеей лишения его самостоятельности и превращения в чисто сельскохозяйственное общество с преодолением традиционно присущих ему черт научной и просветительской организации. Для пересмотра устава в 1900 г. была образована комиссия под председательством бывшего товарища министра государственных имуществ и почетного члена ВЭО В.И. Вешнякова из 8 членов общества и 8 чиновников. В ответ на эти меры Общество приостановило работу общего собрания и отделений, выборы новых членов, выход «Трудов». Ряд видных членов общества (Н.Ф. Анненский, Г.А. Фальборк и др.) были высланы из С.-Петербурга¹².

⁹ Справка о ВЭО от 29 октября 1911 г. // Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 102.00. 1911. Д. 320. Л. 5, 6 об.; Из сообщения московского генерал-губернатора Его Императорского Высочества Сергея Александровича министру внутренних дел 22 апреля 1904 г. // ГАРФ. Ф.102. 4 дел-во. 1908 г. Д. 102. Л. 25 об.; Шевырин В.М. Рыцарь российского либерализма... С. 62, 65.

¹⁰ Шацилло К.Ф. Русский либерализм накануне революции 1905 – 1907 гг. М., 1985. С. 50.

¹¹ Под «общественностью» автор понимает образованную, прогрессивно мыслящую и социально активную часть общества, ставящую работу на благо общества выше достижения личных целей и реализующую свою потребность к самоорганизации и самодеятельности в рамках различных объединений. См. более подробно о понятии и границах «общественности», а также о дискуссиях по поводу этой категории в исторической науке: Туманова А.С. Общественные организации и русская публика в начале XX века. М., 2008. С. 23 – 26; Самоорганизация российской общественности в последней трети XVIII – начале XX в. / отв. ред. А.С. Туманова. М., 2011. С. 13–14; Bradley J. Subjects into Citizens: Societies, Civil Society, and Autocracy in Tsarist Russia // American Historical Review. Vol. 107. N. 4. October 2002. P. 1100; Хильдермайер М. Общество и общественность на закате царской империи. Некоторые размышления о новых проблемах и методах // Страницы российской истории. Проблемы, события, люди: Сборник статей в честь Бориса Васильевича Ананьича. СПб., 2003. С. 218.

¹² Б. Веселовский. Императорское Вольное экономическое общество (31 октября 1765 г. – 31 октября 1915 г.)...

Вскоре, однако, работа по пересмотру устава заглохла, и ВЭО, начиная с либеральной «весны» 1904 г., стало расширять свою деятельность, а в 1905 г. по предложению вице-президента Л.И. Лутугина возобновило свои действия практически в прежнем объеме. В ноябре 1905 г. был восстановлен Комитет по оказанию помощи голодающим, В.А. Мякотин и В.В. Водовозов выступили в комиссии по крестьянскому вопросу с докладами о государственном устройстве. По инициативе С.Н. Прокоповича было проведено социологическое исследование аграрного движения. Возникли научно-археологическая и ботанико-географическая комиссии. В 1905–1906 гг. ВЭО активно участвовало в организации продовольственной помощи голодающим от неурожая¹³.

В годы первой русской революции ВЭО вновь проявило свой оппозиционный настрой. Оно гостеприимно открыло свои двери для заседаний Совета рабочих депутатов, учредило оппозиционную Лигу образования, выражало порицание действиям правительства и разослало без разрешения властей анкету о состоянии крестьянского хозяйства после 9 ноября 1906 г.¹⁴ ВЭО вновь приковало к себе внимание власти. Так, начальник Петербургского охранного отделения А.В. Герасимов, характеризовавший в 1906 г. революционную деятельность просветительских обществ Петербурга, начинал свою записку с анализа настроений в ВЭО. Герасимов аттестовал его как учреждение, являвшееся «одним из главных очагов революционной заразы» и нуждавшееся «в самой тщательной дезинфекции и более или менее продолжительном проветривании»¹⁵.

В послереволюционный период на первый план в деятельности ВЭО вышли научные интересы. В 1909 г. учреждается комиссия по распространению сельскохозяйственных знаний, активно занявшаяся изданием сельскохозяйственной литературы и ее распространением в деревне посредством местных деятелей Общества¹⁶. В собраниях ВЭО делаются доклады об общине, финансовой реформе, земстве, обсуждаются вопросы содействия представительным учреждениям и т.д. Так продолжалось до начала Первой мировой войны.

Деятельность ВЭО в годы Войны – это фактически «белая страница» в истории Общества. Историографы ВЭО освещают ее только в общих чертах¹⁷, допуская, при этом, ошибки. Так, С.П. Стрекопытов в книге о научно-технических учреждениях России утверждает, что «в 1915 г. деятельность

¹³ Там же.

¹⁴ ГАРФ. Ф. 102.00. 1911. Д. 320. Л. 1 об., 2 об., 13.

¹⁵ Краткая характеристика революционной деятельности просветительных обществ С.-Петербурга, составленная начальником Петербургского охранного отделения А.В. Герасимовым // ГАРФ. Ф.102.00. 1906. Д. 194. Ч. 2. Л. 272-272об.

¹⁶ Государственный литературный музей (далее – ГЛМ). Ф. 2. Оп. 1. Д. 127. Л. 2.

¹⁷ См., например: Орешкин В.В. Вольное экономическое общество России, 1765–1917. М., 1963.

ВЭО была полностью запрещена, а в 1917 г. оно распалось»¹⁸. Оба тезиса неверны: в январе 1915 г. деятельность Общества была приостановлена, хотя ряд его учреждений продолжали действовать, а в феврале 1917 г. оно уже вновь функционировало. Рассмотрим отношения между ВЭО и правительственной властью в военный период, представлявшие собой захватывающую историю административных гонений и попыток примирений, переговоров и перманентных дискуссий о судьбе общественной самодеятельности при авторитарном политическом строе.

Верное своей репутации ведущей экономической организации России, Вольное экономическое общество сосредоточилось с началом Войны на вопросах экономической и хозяйственной жизни страны. На заседании 3 августа 1914 г. его лидеры постановили вести работу в двух направлениях: организации тыла и обслуживания нужд жертв войны. Основную проблему тыла члены ВЭО видели в наличии тенденций к экономической и культурной дезорганизации страны, а задачу Общества усматривали, соответственно, в противоборстве этим тенденциям¹⁹. Чтобы придать своей работе публичность, ВЭО стало издавать еженедельный журнал «Известия», рассылавшийся по всей России и освещавший вопросы экономической жизни страны. Его редактором стал упоминавшийся выше Б.Б. Веселовский²⁰.

Как и многие другие общественные организации, ВЭО встретило Войну патриотическим настроением. Патриотической риторикой была пропитана речь исполняющего обязанности президента Г.А. Фальборка. Открывая собрание 3 августа, деятель народного образования Фальборк признал захватнический характер начавшейся Войны, ее нацеленность на разрушение «великой единой» России и обозначил миссию России в ней как освободительную. Оратор говорил о великой ответственности общественности «перед будущим России», о предстоявшей ей миссии «освободить цивилизацию от... ярма милитаризма», «взять на себя заботы о матерях, женах и детях, оставшихся без кормильцев», «восстановить нарушенное войной мирное строительство культуры»²¹.

Стремившееся к публичному обсуждению насущных проблем, ВЭО представило правительству записку, где констатировалось порожденное Войной усложнение хозяйственной жизни и намечались меры преодоления хозяйственного кризиса. Бороться с хозяйственной разрухой общественные деятели предлагали посредством самоорганизации общественности, консолидировавшейся в добровольных обществах и в органах местного само-

¹⁸ Стрекопытов С.П. История научно-технических учреждений в России (вторая половина XIX–XX вв.). М., 2002. С. 93.

¹⁹ Борис Веселовский. Императорское Вольное экономическое общество (31 октября 1765 г. – 31 октября 1915 г.) // Речь. 1915. 31 октября; Он же. Императорское вольное экономическое общество в пореформенное время // Русское слово. 1915. 31 октября.

²⁰ Отчет о действиях Имп. Вольного экономического общества за 1914 год. Пг., 1915. С. 5, 9.

²¹ Вольное экономическое общество // Русские ведомости. 1914. 4 августа.

управления. «Граждане, – говорилось в воззвании ВЭО к населению, – необходима напряженная работа всех сил страны, необходима широкая самодеятельность населения, необходим действенный союз земств и городов со всеми общественными организациями. Нужна вся сила свободной мысли и свободного творчества населения. Только гений свободного строительства народного может провести благополучно государство через все грядущие испытания». Считая задачу хозяйственного устройства первоочередной, ВЭО в то же время призвало правительство и земские собрания воздержаться от сокращения расходов на культурные нужды²².

Общая тональность собраний ВЭО начального периода Войны была оптимистической, полной веры в способность российской общественности в союзе с властью добиться победы, как на полях сражений, так и в мирной организационной работе в тылу. Идея единения общества и власти звучала на заседаниях ВЭО той поры из уст не только общественных деятелей, но и представителей власти. Так, член Совета Главного управления землеустройства и земледелия (далее – ГУЗИЗ) Н.С. Ленин говорил о неспособности своего ведомства обеспечить армию продовольствием без содействия общества. Свое выступление Ленин завершил патетической фразой: «Мы все, забыв старые счеты, как русские люди, выполним свой долг перед Родиной»²³.

В памятном заседании 3 августа 1914 г. статистиком Д.И. Рихтером была озвучена программа хозяйственного устройства. Она включала широкий спектр направлений деятельности, начиная от урегулирования путей сообщения и приспособления тарифов железнодорожных перевозок к потребностям товарообмена, заканчивая организацией помощи сельскому населению, пострадавшему от тяжелых условий военного времени, неурожаев и стихийных бедствий. Планировалось привлечь к делу хозяйственного устройства общественные организации, в особенности кооперативы, что позволило бы, по мнению общественников, наладить поставки в армию, минуя имевших в виду личные выгоды посредников, а также организовать снабжение городов жизненно важными продуктами питания и предметами первой необходимости. Отдельным пунктом экономической программы ВЭО было предложение правительству поддержать существующие в России экономические организации путем их кредитования, а также предоставления им большей свободы образования и действий, объединения их под эгидой авторитетного центра. На роль центра проектировался создававшийся в те дни в Москве Всероссийский земский союз. Эта организация имела, как полагали руководители ВЭО, все шансы стать представителем общественности, если бы она поставила перед собой задачу поддержки народного хозяйства и вступила в тесную связь

²² Записка Совета Императорского Вольного экономического общества о деятельности Общества во время войны (представлена Главноуправляющему земледелием и землеустройством А.В. Кривошеину). Без года и места издания. С. 1–3.

²³ Вольное экономическое общество // Русские ведомости. 1914. 4 августа.

с кооперативами и иными общественными организациями. Приветствовало ВЭО и образование Союза городов²⁴.

Проектируя программу мер общероссийского масштаба, Совет ВЭО брал на себя следующие обязательства. Планировалось через продовольственную комиссию оказывать помощь местностям, застигнутым неурожаем, приступить к сбору пожертвований на нужды населения и материалов о хозяйственной и экономической жизни страны. В рамках ВЭО была создана Особая комиссия для борьбы с дезорганизацией экономики и оказания помощи жертвам войны. Во главе комиссии был поставлен бывший президент ВЭО либеральный экономист А.С. Посников, член Государственной Думы и один из лидеров фракции прогрессистов. Секретарем стал известный публицист и экономист А.М. Рыкачев, ушедший вскоре добровольцем на фронт и нашедший смерть на передовой под Краковом в чине рядового в возрасте 38 лет. В Комиссию вошли 17 членов ВЭО, в числе которых были члены Партии народной свободы А.И. Шингарев, Д.Д. Протопопов, князь Д.И. Шаховской, П.Б. Струве, Н.В. Некрасов, а также социалисты А.Ф. Керенский, И.В. Чернышев, князь В.Л. Геловани. В ходе работы Комиссия разделилась на отделы, обслуживавшие разнообразные нужды военного времени²⁵.

Важным пунктом повестки дня заседаний ВЭО первого военного полугодия была финансовая политика государства после ликвидации такой статьи бюджетных поступлений, как казенная продажа вина. Значение данного вопроса для российского государства было велико. 22 августа 1914 г. было издано повеление императора о прекращении продажи спирта, водки и водочных изделий на время Войны, вошедшее в историю как «сухой закон». Эта мера, по словам Артура Мак-Ки, была призвана поднять уровень благосостояния и производительность труда россиян²⁶. В то же время общественная поддержка «сухого закона», особенно в первые полгода его действия, отнюдь не являлась всеобщей. Мобилизацию сопровождали эксцессы в виде атаки питейных заведений солдатами запаса. Велики были потери казны от запрета продажи спиртного. По подсчетам финансового эксперта от партии кадетов А.И. Шингарева, к середине 1917 г. они составляли 2,5 миллиардов рублей дохода (около 10% затрат на войну), а по признанию министра финансов П.Л. Барка, сделанного в октябре 1916 г., у правительства ушло два года на компенсацию потерь²⁷.

²⁴ Там же.

²⁵ Отчет о действиях Императорского Вольного экономического общества за 1914 год. С. 2.

²⁶ Артур Мак-Ки. Сухой закон в годы Первой мировой войны: причины, концепция и последствия введения сухого закона в России. 1914-1917 гг. // Россия и Первая мировая война (мат-лы международного научного colloquium) / отв. ред. Н.Н. Смирнов. СПб., 1999. С. 148.

²⁷ Пашков Е.В. Антиалкогольная кампания в России в годы первой мировой войны // Вопросы истории. 2010. № 10. С. 88, 90.

Специализировавшиеся на финансовых вопросах члены ВЭО не только поддержали отказ правительства от «пьяного бюджета», но и дали этой мере научное обоснование. Экспертами выступили либеральный экономист и агроном Б.Д. Бруцкус, а также октябрист, сторонник столыпинских аграрных реформ А.В. Еропкин. Проанализировав воздействие ликвидации винокурения на сельское хозяйство, они пришли к выводу, что данная мера не будет иметь пагубных последствий, в особенности, для крестьянского хозяйства²⁸.

В то же время экономисты ВЭО понимали, что отмена казенной монополии чревата бюджетным дефицитом, особенно в условиях Войны. Ими были рассмотрены различные «слагаемые» финансового благополучия страны, такие как бюджет, бумажное денежное обращение, налоги, займы и др. Обсуждался вопрос о возможности покрытия бюджетной недостачи за счет введения государственных монополий на потребительские товары: табак, сахар, чай и др. Докладчиками выступали искушенные в вопросах финансов думец А.И. Шингарев и профессора М.В. Бернацкий и М.И. Фридман. Все трое имели либеральные взгляды. Бернацкий и Фридман работали на экономическом отделении Петербургского политехнического института – уникального высшего учебного заведения, в стенах которого обосновался коллектив блестящих финансистов. Бернацкий являлся профессором политической экономии, а Фридман – профессором финансового права, ведущим специалистом в косвенных налогах на предметы потребления. Шингарев и Фридман высказывались за установление государством фискальных монополий для покрытия военных расходов. Существовало среди членов ВЭО также мнение о губительности для страны политики экономии²⁹.

Наблюдавший за ходом «финансовых прений» в ВЭО общественный деятель и публицист Д.В. Философов так обобщил суть происходящего: «... все речи специалистов сводились к одному: как лучше при теперешних обстоятельствах устроить наши финансы... Я слушал внимательно эти разговоры, и порой мне казалось, что я сижу не в ВЭО, а в Государственной думе, что все эти слушатели – не типичные русские интеллигенты-радикалы, а трезвые, «реальные» политики. Можно ли себе представить, чтобы десять лет назад наши интеллигенты серьезно обсуждали целесообразность табачной, сахарной, чайной и других фискальных монополий? Человек, выступивший с такой темой, подвергся бы заушениям. А теперь и фискальные монополии не отвергаются... Ради того, чтобы искоренить пьянство, стоит пожертвовать чистотой теории. Если мы этой жертвы не принесем, мало-помалу торговля

²⁸ Отчет о действиях Имп. Вольного экономического общества за 1914 год. С. 5; Записка Совета Императорского ВЭО... С. 3.

²⁹ Записка Совета Императорского ВЭО... С. 3; Д. Философов. Устроение // Русское слово. 1915. 14 (27) января; Отчет о действиях Имп. Вольного экономического общества за 1914 год. С. 2; Отчет о деятельности Имп. Вольного экономического общества за 1915 год. Пг., 1916. С. 1.

водкой восстановится...»³⁰. Обсуждение финансовых вопросов в ВЭО совпало с заседаниями бюджетной комиссии Государственной думы.

В августовские дни 1914 г. членами ВЭО была высказана также озабоченность судьбой местностей, пораженных неурожаем и испытывавших затруднения с зерном и кормами для скота. Ослабить аграрный кризис Общество планировало совместными мерами в союзе с правительством, земствами и кооперативами. Оно предложило, к примеру, Петроградской городской думе использовать скот пораженных недородом районов для нужд столицы, страдавшей от дороговизны мяса³¹.

ВЭО было обеспокоено также положением населения районов боевых действий и прифронтовой полосы. Закономерно, что особого внимания удостоились евреи, подвергавшиеся в военное время множественным дискриминациям: конфискациям собственности, интернированию, массовым высылкам из прифронтовых районов вглубь империи³². «Еврейский» вопрос неоднократно обсуждался на заседаниях ВЭО, а нередко и служил для них главной темой. ВЭО обратилось к правительству с предложением об улучшении положения евреев. В январе 1915 г. специалистом в вопросе еврейского расселения Б.Д. Бруцкусом в заседании Общества был прочитан доклад «О современном экономическом положении евреев в Царстве Польском и сопредельных местностях»³³.

ВЭО собирало пожертвования на нужды пострадавшего от войны населения Царства Польского. Собранные средства направлялись благотворительным организациям помощи полякам. В конце октября 1914 г., после вступления в Войну Турции и создания Кавказского фронта, ВЭО ходатайствовало перед властями о проведении в Петрограде кружечного сбора в пользу населения Закавказья, в особенности беженцев из Турецкой Армении, на долю которых выпали особенно тяжелые испытания. Это ходатайство более двух месяцев оставалось без ответа, и было отклонено по инициативе директора Департамента полиции В.А. Брюн-де-Сент-Ипполита, который, памятуя о многочисленных фактах «преступной деятельности» Общества минувшего десятилетия, предположил, что «и последнее благотворительное начинание Общества будет обращено в один из способов вредной пропаганды»³⁴. ВЭО пришлось ограничиться поддержкой действовавших уже на Кавказе питательных пунктов. Позиция полицейского ведомства в данном вопросе была прогнозируемой. Устраиваемые ВЭО целевые сборы средств на нужды пострадавших, практикуемые с начала 1890-х гг., всегда вызывали опасения властей. Подозрительность к Обществу полиции и администрации нарастала в случае, если оно направляло в пострадавшие губернии своих уполномочен-

³⁰ Дмитрий Философов. Устроение // Русское слово. 1915. 14 (27) января.

³¹ Записка Совета Императорского ВЭО... С. 4.

³² См. подробнее: Eric Lohr. Nationalizing the Russian Empire: The Campaign against Enemy Aliens during World War I. Cambridge, 2003. P. 6–9.

³³ Отчет о деятельности Имп. Вольного экономического общества за 1915 год. С. 1.

³⁴ Записка Совета Имп. ВЭО... С. 5–6; ГАРФ. Ф. 102.00. 1914. Д. 320. Л. 22.

ных, среди которых, как правило, обнаруживались лица «сомнительной благонадежности»³⁵.

Спутником экономической дестабилизации военного времени являлась безработица, приковавшая к себе внимание членов ВЭО. Еще в октябре 1914 г. ВЭО занялось выяснением характера безработицы в Петрограде, а в январе 1915 г. оно открыло биржу труда, завоевавшую популярность у предпринимателей и рабочих Петрограда. По подсчетам Совета ВЭО, за 14 месяцев существования биржи к ее посредническим услугам обратились почти 138 тыс. безработных, нанимателями было предложено почти 230 тыс. рабочих мест. К весне 1916 г. биржа насчитывала семь отделений, расположенных в разных районах города³⁶.

С началом Войны важным направлением деятельности ВЭО становится помощь жертвам войны. Наряду со сборами пожертвований на нужды фронта и семей военнослужащих Общество занялось созданием учреждений для содержания и лечения раненых и больных воинов. В работе по основанию лазаретов оно не было первооткрывателем. Учредителями лазаретов выступали военная администрация, Красный Крест, ВЗС и ВСГ, иные организации, а зачастую и частные лица. Как комментировал ситуацию сведущий в данном вопросе городской голова Петрограда И.И. Толстой в августе 1914 г., призрение раненых и больных воинов составляло насущную потребность для города, поскольку ни Красный Крест, ни военное ведомство не были готовы к обслуживанию ожидаемого колоссального числа раненых. Неподготовленность официальных структур к обеспечению раненых и объясняла, по словам Толстого, «ту легкость, с какой правительство согласилось на учреждение Союза городов»³⁷.

Деятельность ВЭО по организации в Петрограде двух лазаретов была примером подлинного общественного почина. Душой этого дела стал историк общественной мысли и революционного движения В.Я. Богучарский (Яковлев), который выступил инициатором открытия общественной подписки для привлечения жертвователей. Подписантами выступали как состоятельные люди, так и те, кто не мог позволить себе крупных денежных пожертвований. Каждая кровать оборудовалась за счет индивидуальных жертвователей или группы благотворителей, уплачивавших ежемесячные взносы. Пожертвования отдельных благотворителей, нередко копеечные, суммировались и преобразовывались в общее дело. Жертвователям предоставлялась возможность участвовать в управлении лазаретами, делегируя в Лазаретный отдел своих представителей. Финансовая часть организации лазаретов была прозрачной: одна часть пожертвований благотворителя шла на оборудование

³⁵ ГАРФ. Ф. 102.00. 1911. Д. 320. Л. 6 об.–17.

³⁶ ВЭО о бирже труда // Русские ведомости. 1916. 27 апреля; Записка Совета Имп. ВЭО... С. 8.

³⁷ Толстой И.И. Дневник. 1906–1916. СПб., 1997. С. 536.

лазарета, а другая – на его содержание. Ведал делом основанный ВЭО лазаретный отдел³⁸.

Общественная постановка лазаретного дела привлекла к начинанию ВЭО широкий интерес. Жертвователями стали представители различных профессиональных групп: фабричные рабочие, служащие торговых и промышленных предприятий, правительственных учреждений, сотрудники периодических изданий, учащиеся. На почин ВЭО откликались также люди, объединенные совместным проживанием, к примеру, наниматели комнат в многоквартирных домах. Жертвователями лазаретов явились служащие Русско-азиатского и Центрального банков, Общества «Продуголь» и Канцелярии Гражданского кассационного департамента Сената, слушательницы Высших женских курсов и учащиеся Тенишевского училища, члены петроградских обществ женщин-юристов и Религиозно-философского, сотрудники редакций газет «Современное слово», «Утро России», «День», «Речь», журнала «Вестник Европы». Благотворители проживали не только в Петрограде, но и в Чите и Хабаровске. Помощником ВЭО в организации лазаретов стал Петроградский отдел ВСГ, выступивший ходатаем выделения под них помещений в здании Старого Гербария Ботанического сада и в Коллегии Императора Александра II при Петроградском университете, а также взявший их на свой баланс³⁹.

Благодаря выработанной ВЭО системе ему удалось в непродолжительный срок создать в Петрограде два лазарета для раненых нижних чинов: на 100 и 140 кроватей, укомплектовать их операционными и перевязочными помещениями, рентгеновским кабинетом. Для сравнения: в первые послевоенные месяцы купечество Петрограда открыло 2 госпиталя на 200 кроватей каждый, Петроградская еврейская община – 1 госпиталь на 200 кроватей; Общество для продажи металлических изделий русских заводов – 1 госпиталь на 100 кроватей⁴⁰. Таким образом, масштабы действий ВЭО были сопоставимы с усилиями состоятельных столичных корпораций. Продолжительность лечения составляла в лазаретах ВЭО в среднем 2,5 месяца. За годичный период, с 1 ноября 1914 г. по 1 ноября 1915 г., через лазарет в 140 кроватей прошло 559 увечных воинов, которые обучались грамоте, пользовались библиотекой, одеждой и бельем.⁴¹

Важным направлением работы ВЭО являлось снабжение лазаретов книгами. Занимался этим книжный отдел, также ориентированный на общественный почин. На призыв ВЭО к населению жертвовать для раненых в гос-

³⁸ Императорское Вольное экономическое общество. Годовой отчет по двум лазаретам (1914–1915 г.). Пг., 1916. С. 3–4, 28.

³⁹ Там же. С. 4, 21.

⁴⁰ Иванова Н.М. Милосердие и благотворительность в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.) (на материалах Петрограда). Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2002. С. 78.

⁴¹ Императорское Вольное экономическое общество. Годовой отчет по двум лазаретам... С. 7, 9, 22, 23, 28, 38, 42, 44; Деятельность ВЭО во время войны // Русское слово. 1915. 12 февраля.

питали, а также для тыловых армейских подразделений книги, газеты, журналы и деньги откликнулись как частные лица, так и книгоиздатели, книжные магазины и библиотеки. В ВЭО поступило свыше 0,5 млн. книг, из которых было составлено более 1300 библиотек по 300–400 книг каждая. Библиотеки рассылались в лазареты военного ведомства, Красного креста, ВЗС и ВСГ. Благодаря поступавшим от издателей крупным коллекциям произведений русских классиков ВЭО получило возможность системно подойти к комплектованию библиотек. К этому делу были привлечены Литературный фонд, Всероссийское общество книгопродавцев и издателей, Всероссийское общество книжного дела, Общество взаимопомощи служащих в книжных магазинах. В публикации воззваний ВЭО о сборе литературы для раненых участвовал целый ряд газет и журналов. Общество ратовало за привлечение к работе по собиранию книг широкой общественности, включая ВЗС и ВСГ, органы земского и городского самоуправления⁴².

По мере того как деятельность ВЭО набирала обороты и обростала общественной поддержкой, недоверие правительства к нему нарастало. Тревожными симптомами стали осенние циркуляры министра внутренних дел Н.А. Маклакова: от 30 сентября и 28 ноября 1914 г., требовавшие от губернаторов тщательной проверки рассылаемой ВЭО литературы, а также ноябрьское распоряжение Департамента полиции органам политического сыска об установлении наблюдения за библиотечками ВЭО⁴³.

Реакция местных властей на поручение МВД не замедлила последовать. Формальные основания для запрета печатных изданий отсутствовали (для библиотек при лазаретах еще не было установлено каталогов и многое зависело от вкусовых пристрастий администраций лазаретов) и администрация была вынуждена действовать на свой страх и риск. В Одессе военными властями из лазаретов были изъяты все книги ВЭО, в Нежине начальник Черниговского ГЖУ допустил только 179 из почти 1600 изданий. Пермский губернатор М.А. Любич-Ярмолович-Лозина-Лозинский приостановил в декабре 1914 г. передачу в лазареты почтовых отправок ВЭО с книгами. Однако в письме к товарищу министра внутренних дел В.Ф. Джунковскому он посетовал на сложность выполнения распоряжения МВД по установлению благонадежности поступавшей от ВЭО литературы ввиду отсутствия утвержденного властями списка книг, допускаемых к обращению в лазаретах⁴⁴. Случалось, что одна и та же книга со штемпелем Императорского ВЭО не пропусклась в лазарет, а без печати общества она свободно проходила. Отдельные администраторы и вовсе «перегнули палку», начав преследовать не только библиотечки ВЭО для раненых, но и издававшиеся уже на протяжении полтора-ста лет подцензурные «Труды ВЭО», посвященные сельскому хозяйству и экономике, а также выходившие под наблюдением военной цензуры «Извес-

⁴² Записка Совета Имп. ВЭО... С. 6; Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). РГИА. Ф. 91. Оп. 1. Д. 680. Л. 22–25.

⁴³ ГАРФ. Ф. 102.00. 1914. Д. 320. Л. 2, 24–24 об., 30.

⁴⁴ ГАРФ. Ф. 102.00. 1914. Д. 320. Л. 43, 61 об., 69 об., 99.

тия». Получателям изданий ВЭО грозил штраф в размере 3 тыс. рублей и тюремное заключение на срок до трех месяцев. Данные нормы были установлены на основании «Положения о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия», действовавшего в Российской империи с 1881 г. Чтобы притупить «бдительность» губернских властей в отношении специализированных изданий ВЭО, МВД было вынуждено направить им специальное разъяснение⁴⁵.

По мере того, как маховик административного усмотрения раскручивался, становилось понятно, что ему придется во многом работать «на холостом ходу». В деятельности библиотечной комиссии ВЭО становилось больше порядка, а Общество посылало раненым все более «надежные» издания: тома Н.В. Гоголя и Л.Н. Толстого, Св. Писание, сказки и др. Это обстоятельство был вынужден признать даже Департамент полиции, который считал неподходящими для чтения «на передовой» лишь отдельные сочинения. В их числе были три номера журнала «Русская мысль» за 1913 г., содержавшие статьи антимилиитаристского содержания⁴⁶.

30 января 1915 г. распоряжением главного начальника Петроградского военного округа П.П. фон Зальца деятельность Вольного экономического общества на период действия в столице военного положения была приостановлена. Распоряжение было оглашено в тот самый момент, когда собравшиеся в помещении Общества члены обменивались воспоминаниями о погибшем на передовой общественном деятеле А.М. Колюбакине после только что завершившейся панихиды. Вольному экономическому обществу, развернувшему активную работу по устройению тылового хозяйства, сбору пожертвований на нужды фронта и призрению раненых инкриминировалась рассылка раненым запрещенной литературы. До 150-летнего юбилея ВЭО оставалось полгода⁴⁷.

Хотя распоряжение о приостановлении действий ВЭО исходило от военных властей, оно было инициировано министром внутренних дел Н.А. Маклаковым. Лидер кадетов П.Н. Милюков характеризовал внутривластный курс Маклакова следующим образом: «При нем сразу расцвела пышным цветом практика внедумского законодательства по статье 87-й... Внутри (в тылу – *А.Т.*) усилились преследования против всех проявлений общественной... После январской сессии (Государственной думы – *А.Т.*) отношения правительства, Думы и общественности в широком смысле стали быстро портиться»⁴⁸. По словам председателя Совета министров И.Л. Горемыкина,

⁴⁵ РГИА. Ф. 91. Оп. 1. Д. 680. Л. 2 об.; ГАРФ. Ф. 102.00. 1915. Д. 320. Л. 9 об.

⁴⁶ ГАРФ. Ф. 102.00. 1914. Д. 320. Л. 39 об.

⁴⁷ РГИА. Ф. 91. Оп. 1. Д. 680. Л. 5; ГАРФ. Ф. 102.00. 1914. Д. 320. Л. 61; 1915. Д. 320. Л. 5 – 5 об.

⁴⁸ Милюков П.Н. Воспоминания. Том второй. 1859–1917. М., 1990. С. 166–167.

которого никак нельзя заподозрить к симпатиям к общественному движению, «административный произвол был системой» Н.А. Маклакова⁴⁹.

Избранной Маклаковым «жесткой линии» по отношению к общественной самодеятельности мог, очевидно, противостоять главноуправляющий землеустройством и земледелием А.В. Кривошеина, считавший согласованные действия правительства и общественных организаций залогом победного исхода войны⁵⁰. Так, Кривошеин отстоял ВЭО зимой 1911–1912 гг., когда министр внутренних дел А.А. Макаров требовал усилить на него нажим, а петербургский градоначальник Д.В. Драчевский предлагал и вовсе его закрыть: недовольство властей вызвал осуществляемый ВЭО сбор пожертвованных пострадавшим от неурожая⁵¹.

Между тем в конце января 1915 г. позиция МВД и Н.А. Маклакова возобладала, а Главному управлению землеустройства и земледелия в лице Кривошеина и его товарища П.Н. Игнатьева не удалось отвести от Общества обвинений. Еще в начале января 1915 г. вице-президент ВЭО Л.И. Лутугин дважды получил из ГУЗИЗ указания на необходимость обратить самое серьезное внимание на имевшиеся к Обществу претензии. Сообщалось, что они выдвигались Департаментом полиции, однако, в чем конкретно они состояли – не говорилось. Как выяснилось при личном свидании Лутугина с Кривошеиным, состоявшимся позднее, Маклаков настаивал на приостановлении деятельности ВЭО, однако Кривошеин не усмотрел для этого достаточных оснований. Репрессивные меры по отношению к ВЭО отсрочила начавшаяся 27 января третья сессия Государственной думы. Между тем уже спустя два дня, 29 января, думская сессия была закрыта, а на следующий день после этого последовало распоряжение о приостановлении действий ВЭО. Распоряжение 30 января было проведено, по словам Кривошеина, «не только помимо, но и вопреки его мнению». Между тем именно главноуправляющий ГУЗИЗ выступал куратором обществ сельского хозяйства⁵².

В поисках компромата на ВЭО Н.А. Маклаков активизировал Департамент полиции, предъявивший в ноябре 1914 г. обвинения ряду подразделений общества: комиссиям книжной, лазаретной и борьбы с безработицей. В действиях входивших в эти комиссии социалистов-революционеров и соци-

⁴⁹ Яхонтов А.Н. Тяжелые дни (Секретные заседания Совета министров 16 июля – 2 сентября 1915 года) // Архив русской революции. Т. 18. М., 1993. С. 111.

⁵⁰ О позиции А.В. Кривошеина, выступавшего идеологом реформаторской политики и примирительной линии по отношению к российскому обществу, вспоминали многие государственные деятели: военный министр А.А. Поливанов, товарищ председателя Государственной думы В.М. Волконский, французский посол Морис Палеолог, британский посол Джордж Бьюкенен и др. Многие отклики и оценки собраны сыном Кривошеина: Кривошеин К.А. Александр Васильевич Кривошеин. Его значение в истории России начала XX века // Судьба века. Кривошеины. СПб., 2002. С. 215, 226–227. См. также: Палеолог М. Царская Россия во время мировой войны. М., 1991. С. 157–158; Бьюкенен Дж. Мемуары дипломата. М., 1991. С. 161–162.

⁵¹ ГАРФ. Ф. 102.00. 1911. Д. 320. Л. 13 об.–14, 17 об.

⁵² РГИА. Ф. 91. Оп. 1. Д. 680. Л. 5 об. – 6 об.

ал-демократов полицейские усмотрели прикрытое «покровом благотворительности» стремление к революционной пропаганде в армейской и рабочей среде. Социалисты обвинялись в снабжении солдат и рабочих «тенденциозной литературой». В числе подозреваемых пропагандистов в полицейских документах фигурировали члены Государственной Думы трудовики А.Ф. Керенский (руководитель комиссии по борьбе с безработицей и сотрудник книжной комиссии) и В.Л. Геловани (председатель лазаретной комиссии), меньшевик А.Н. Потресов, большевики Г.И. Петровский и А.Е. Бадаев (все трое работали в комиссии по борьбе с безработицей)⁵³.

Автор новейшего исследования об Александре Керенском С.В. Тютюкин указывает, что лидер Трудовой группы Государственной думы действительно использовал осенью 1914 г. возможности легальной работы в ВЭО для налаживания контактов с радикально настроенной столичной интеллигенцией: меньшевиком А.Н. Потресовым, энесом В.А. Мякотиним и др., а также с неонародниками в провинции. Керенский выступал идеологом сплочения левых элементов общества, чем и привлек внимание полиции⁵⁴.

У петроградского градоначальника А.Н. Оболенского имелись претензии также к экскурсионной комиссии ВЭО, руководимой меньшевиком-оборонцем С.Г. Сватиковым. По словам градоначальника, члены комиссии дежурили в музеях и давали объяснения раненым воинам в ходе экскурсий, стремясь, тем самым, «вести среди раненых воинских чинов противоправительственную пропаганду». Оболенский ходатайствовал о приостановлении действий ВЭО на время военного положения в столице четырежды. Три раза, в октябре, ноябре и декабре 1914 г., он обращался с таким предложением в ГУЗИЗ, на что получил отказ. Товарищ главноуправляющего граф Игнатьев отвечал Оболенскому 9 января 1915 г., что не видит оснований для закрытия Общества распоряжением своего ведомства и что «если такая мера и может быть принята, то единственно в порядке применения полномочий чрезвычайных, предоставленных на время войны военным властям» и градоначальнику⁵⁵. Как мы видим, этим советом не преминули воспользоваться. Четвертое ходатайство градоначальника, обращенное 26 января 1915 г. к главному начальнику Петроградского военного округа, вызвало уже необходимую реакцию. А.Н. Оболенский аргументировал свое предложение тем, что ВЭО «систематически уклоняется от ... устава» и что деятельность его «под руководством лиц, скомпрометированных в политическом отношении..., принимает нежелательное направление»⁵⁶.

Между тем думается, что подозрения ВЭО в вольнодумстве были в значительной части надуманными, поскольку определявшие политику организации кадеты четко следовали в первое военное полугодие курсу на сугубо

⁵³ ГАРФ. Ф. 102.00. 1914. Д. 320. Л. 9, 23-23 об., 38 об.

⁵⁴ Тютюкин С.В. Александр Керенский. Страницы политической биографии (1905–1917 гг.). М., 2012. С. 73–74.

⁵⁵ ГАРФ. Ф. 102. 2 дел-во. 1916. Д. 124. Ч. 1. Л. 72–73.

⁵⁶ Там же. Л. 73.

практическую, неполитическую работу в общественных организациях⁵⁷. Прямые доказательства проводимой в ВЭО революционной работы у политической полиции отсутствовали. Начальник Петроградского охранного отделения сообщал в Департамент полиции 29 декабря 1914 г. о лояльном характере библиотечной комиссии ВЭО и главенствовавшей там линии либералов⁵⁸.

Реакция общественности на приостановление действий ВЭО была разноречивой, что свидетельствовало о разнородности ее умонастроений. Либеральное общество негодовало. Так, И.И. Толстой записал по этому поводу в своем дневнике: «Правительство, несомненно, сделало глупость, так как Общество никакой опасности не представляло, а закрытие его будет основательно волновать умы и создаст разлад, где было согласие, столь нужное в переживаемое время для России. Что же делать, когда на министерском посту держат какого-то Маклакова, дальше своего носа ничего не видящего!»⁵⁹. Лидеры Московского общества сельского хозяйства устроили в ноябре 1915 г. публичное чествование ВЭО по поводу его 150-летия и направили ходатайство о возобновлении его деятельности в Петроград. В прозвучавших докладах ВЭО именовалось «старейшим рассадником экономической мысли и общественных навыков в России», создателем русской сельскохозяйственной науки, периодики и науки почвоведения⁶⁰. В то же время Одесский союз русских людей выразил Маклакову глубокую признательность за «закрытие» «давнего очага преступной противоправительственной деятельности»⁶¹.

Приостановление действий не означало для ВЭО полного закрытия. Отдельные его подразделения продолжали работу, но в треть силы. Функционировали Совет ВЭО, Лазаретный отдел, Библиотека (со второй половины 1915 г.), Почвенная комиссия, Комиссия по распространению сельскохозяйственных знаний⁶². Между тем целый ряд направлений деятельности, такие как рассылка книг, сборы пожертвований, издание «Известий ВЭО» и др., были ликвидированы. У администрации было желание закрыть лазареты ВЭО, либо, по крайней мере, лишить их права называться лазаретами Вольного экономического общества. Между тем лазареты выстояли и сохранились под патронажем Общества благодаря поддержке со стороны Петроградского комитета ВСГ, а также интенсивного притока в столицу раненых вес-

⁵⁷ Гайда Ф.А. Либеральная оппозиция на путях к власти (1914 – весна 1917 г.). М., 2003. С. 59–61. См. также: П.Н. Милюков. Воспоминания. Том второй. С. 163.

⁵⁸ ГАРФ. Ф. 102.00. 1914. Д. 320. Л. 51 об.

⁵⁹ Толстой. Дневник. С. 598. Толстой свидетельствовал о причастности к приостановлению ВЭО близкого к Маклакову Н.П. Муратова, курского губернатора, назначенного в январе 1915 г. на должность члена совета министра внутренних дел и заведующего продовольственным делом в Российской империи, также обвинявшего ВЭО в распространении среди войск тенденциозной литературы.

⁶⁰ Чествование Вольного экономического общества // Русское слово. 1915. 14 ноября.

⁶¹ ГАРФ. Ф. 102.00. 1915. Д. 320. Л. 1.

⁶² Отчет о деятельности Имп. Вольного экономического общества за 1915 год. С. 8–13.

ной 1915 г.⁶³ ВЭО занималось лазаретами вплоть до сентября 1917 г., когда они были переданы в ведение Петроградского городского комитета ВСГ⁶⁴. Оно продолжало также содержать детский приют в Вильне вплоть до занятия города неприятелем, участвовало в создании летучего отряда, преобразованного в VI Сибирский отряд⁶⁵. Таким образом, Общество делало все возможное, чтобы сохранить свое дело.

В 1915–1916 гг. Советом ВЭО была предпринята серия шагов, направленных на снятие довлевшей над ним кары. В конце весны – летом 1915 г. представители ВЭО Л.И. Лутугин, С.Ф. Ольденбург и А.И. Шингарев вели переговоры о восстановлении деятельности Общества с командующим Петроградским военным округом генералом П.А. Фроловым и командующим 6-й армией генерал-адъютантом Н.В. Рузским. В письме Лутугина к Фролову говорилось о тягостном для «старейшего в России научного общества, в течение полутора лет служившего экономическому преуспеянию родной страны..., положении вынужденного бездействия». В качестве отягчающего для Общества обстоятельства указывалось на то, что «бездействие» приходилось на период мировой войны, когда «в области государственного хозяйства выдвигаются новые сложные задачи и когда все культурные силы страны призываются к особо напряженной работе». М.М. Ковалевский и А.И. Шингарев обращались и к А.В. Кривошеину, высказавшему решимость дать о ВЭО позитивный отзыв, но не готовому всецело инициировать постановку вопроса о возобновлении деятельности ВЭО⁶⁶.

В июне 1915 г., в связи с отставкой Н.А. Маклакова, у общественников появились основания для оптимистических прогнозов. В заседании Совета ВЭО 20 июня 1915 г. состоялся обмен мнениями о содержании деятельности Общества в случае снятия с него административных ограничений. Д.И. Шаховской полагал, что ВЭО должно было сосредоточиться на разработке экономических вопросов и оказании помощи правительству в определении размеров посевных площадей и учете запасов товаров. При этом Шаховской предрекал ВЭО в случае возобновления его работы существенно более восприимчивую и отзывчивую внешнюю среду, чем имевшуюся год тому назад. По словам социалиста Н.В. Чайковского, наряду с разработкой экономических вопросов ВЭО следовало заняться консолидацией с ВЗС и ВСГ. М.И. Фридман предлагал Обществу сосредоточиться на практических делах: изучении роли кооперативов, дороговизны жизни и др. При этом он признал желательными контакты ВЭО с представительными органами власти и поддержку обсуждаемого Думой законопроекта о подоходном налоге. В ходе полемики к Фридману присоединился и князь Шаховской, который резюмировал, что центральными в работе ВЭО должны были стать два вопроса: о дороговизне и о кооперации. По его словам, необходимо было заняться раз-

⁶³ РГИА. Ф. 91. Оп. 1. Д. 680. Л. 7, 13.

⁶⁴ РГИА. Ф. 91. Оп. 1. Д. 892. Л. 12.

⁶⁵ РГИА. Ф. 91. Оп. 1. Д. 680. Л. 8.

⁶⁶ РГИА. Ф. 91. Оп. 1. Д. 680. Л. 8–10, 16.

работкой законопроекта о кооперативах. С намеченными перспективами был согласен и В.И. Чарнолуский, присовокупивший к ним разработку вопроса о мелкой земской единице. Г.А. Гиршсон говорил, что ВЭО следовало сосредоточиться на освещении мобилизации промышленности, чтобы предотвратить злоупотребления в этой сфере. Значительная часть членов ВЭО, в числе которых были П.Б. Струве, В.И. Чарнолуский, А.С. Ланде, А.М. Калмыкова и др., высказалась в ходе июньской дискуссии за скорейшее восстановление деятельности ВЭО⁶⁷.

Отношение к общественным деятелям военных властей было благожелательным, однако видимых результатов переговоры не давали. Генерал П.А. Фролов, давший 16 мая 1915 г. в личной беседе с ними надежду на положительное решение вопроса при условии, что Общество не станет рассылать книги по лазаретам, 25 июля 1915 г. отказал ему в возобновлении работы, сославшись на обстоятельства военного времени. Становилось очевидным, что решение вопроса о судьбе ВЭО находится всецело в руках Министерства внутренних дел. Поэтому осенью 1915 г. общественные деятели отправились на переговоры с новым управляющим МВД А.Н. Хвостовым⁶⁸.

А.Н. Хвостов был для либералов, по выражению Милюкова, «человеком чужим», принадлежавшим к «политической партии, которая вообще не считается с общественным мнением (фракции правых в Государственной думе четвертого созыва – *А.Т.*)». Между тем, по словам того же Милюкова, тогда «терпение народа еще не окончательно истощилось, и мы считали нужным сдерживаться»⁶⁹. Очевидно, что деятели ВЭО еще сохраняли надежду на смягчение правительственного курса⁷⁰.

⁶⁷ РГИА. Ф. 91. Оп. 1. Д. 680. Л. 14–15.

⁶⁸ РГИА. Ф. 91. Оп. 1. Д. 680. Л. 14, 16, 17–19.

⁶⁹ Блок А. Последние дни Императорской власти. По неизданным документам // Блок А. Последние дни Императорской власти / сост. С.С. Лесневский, З.И. Перегудова. М., 2012. С. 100–101.

⁷⁰ Линия А.Н. Хвостова в отношении общественного движения была охарактеризована его заместителем – товарищем министра внутренних дел С.П. Белецким. В отличие от реакционно-охранительного курса Н.А. Маклакова, заключавшегося в стремлении «давить и не пущать», политика Хвостова была более осторожной и компромиссной. Она состояла в том, чтобы «... усилить... наблюдение за революционными организациями, не внося излишнего раздражения постоянными и массовыми арестами, зорко и неустанно следить за общественным движением, стараясь, по возможности, излишним стеснением свободы их деятельности не раздражать общественных кругов»: Белецкий С.П. Воспоминания // Архив русской революции. Т. 12. М., 1991. С. 6. Следуя курсу уступок, Хвостов поддержал в феврале 1916 г. ходатайство руководителей Общества редакторов петроградских журналов И.В. Гессена и М.А. Суворина по поводу изменения устава Общества. Узнав от общественников, что их ходатайство задерживается в Главном управлении по делам печати, Хвостов обещал им заступничество со словами: «У нас задерживающим центром может быть только Департамент полиции... Раз с его стороны нет препятствий, то со стороны Главного управления нет никаких оснований задерживать Ваше ходатайство»: Гессен И.В. Беседа с А.Н. Хвостовым // Архив русской революции. Т. 12. М., 1991. С. 76.

Депутация ВЭО в составе президента М.М. Ковалевского, почетного члена В.Г. Котельникова и членов П.Б. Струве и Б.Б. Веселовского посетила Хвостова 26 октября 1915 г. В ходе беседы с управляющим МВД мотивы приостановления действий ВЭО прояснились. Пытаясь отговориться недостаточным знакомством с делом, Хвостов между тем признал, что рассылка книг по лазаретам явилась лишь поводом, причины же крылись в опасениях правительства, что «Общество, по примеру 1905 года, явится сосредоточием широкого общественного движения». На это членами депутации Струве и Веселовским было заявлено, что оснований для такого вывода не было, поскольку деятельность ВЭО носила в годы Войны по преимуществу практический характер и собрания многолюдством не отличались. Веселовский предположил, что репрессии по отношению к ВЭО были продиктованы недоверием тогдашнего министра внутренних дел Маклакова к общественной самодеятельности. Хвостов сформулировал свою позицию по поводу ВЭО 9 ноября 1915 г.: он не возражал против возобновления деятельности Общества при условии замены его устава новым. Таким образом, Министерство внутренних дел возвращало ВЭО к высочайшему повелению 8 апреля 1900 г., ограничивавшему деятельность Общества. Ковалевский заявил Хвостову, что до возобновления деятельности Общества ему не удастся произвести замену устава. Ученый указал также на несогласованность предложения правительства с действовавшим, высочайше утвержденным 13 августа 1872 г., уставом организации. Условия, поставленные Министерством внутренних дел, были для общественников весьма тяжелыми, ввиду чего Совет ВЭО в заседании 26 ноября 1915 г. постановил приостановить ходатайства о снятии ограничений⁷¹.

7 декабря 1915 г. главным начальником Петроградского военного округа Обществу было разрешено возобновить работу для составления нового устава. Решение было согласовано с Министерством внутренних дел, не дозволявшим тогда ВЭО деятельности, не относящейся к пересмотру устава. Обществу было позволено устроить два общих собрания: для избрания особой комиссии по выработке проекта устава и для его обсуждения. Общее собрание было созвано 4 марта 1916 г., после более чем полугодичного перерыва в работе совета. Символично, что оно состоялось спустя десять лет с момента издания Временных правил об обществах и союзах, призванных установить границы вторжению администрации в жизнедеятельность обществ и союзов и поставить ее в законные рамки. Однако вместо стоявшего в повестке дня вопроса избрания комиссии для разработки устава, на чем настаивало правительство, ВЭО переизбрало Совет, полномочия которого истекли еще год назад. Выступившие в собрании общественные деятели – председательствовавший Д.И. Рихтер (М.М. Ковалевский болел и отказался баллотироваться на должность президента), исполняющий обязанности секретаря Б.Б. Весе-

⁷¹ ГАРФ. Ф. 102.00. 1915. Д. 320. Л. 5 – 5 об.; РГИА. Ф. 91. Оп. 1. Д. 680. Л. 8, 10, 14, 16, 19–20.

ловский, В.И. Чарнолуский и др. высказались в том ключе, что ВЭО натолкнулось на произвол и найдет достойный ответ, а компромиссам с властью не бывать. Совет Общества категорически отверг предложение о пересмотре устава, к нему присоединилось и общее собрание, постановившее продолжать работу лишь при условии возобновления деятельности Общества в полном объеме. На собрании присутствовало более семидесяти человек⁷².

Президентом ВЭО был избран Н.В. Чайковский, в прошлом известный революционер-народоволец, в настоящем идеолог мирной культурной работы и кооператор, член ВСГ. П.Б. Струве характеризовал Чайковского как человека «абсолютно ценного» по своей «политической справедливости и деликатности к носителям других взглядов»⁷³. Поблагодарив членов ВЭО за оказанную ему честь, Чайковский признал себя «сторонником того течения в Обществе, которое полагало, что Общество должно в своей практической деятельности во главу угла ставить интересы народа». Ответная речь Чайковского служила своего рода подведением итогов деятельности ВЭО за первые полтора года Войны. «Едва вспыхнула Война, – говорил Чайковский, – как ВЭО выступило с широким планом практических мероприятий. Оно явилось... инициатором того, что предпринимается теперь для устроения тыла в культурном и экономическом отношениях. Оно указало на всю важность планомерной экономической мобилизации; оно обратилось к земствам и к правительству, выставив в качестве насущной очередной задачи сохранение культурных ценностей; оно... заявило, что помощь раненым воинам должна покоиться на общественных началах ...»⁷⁴.

В 1916 году, по-прежнему функционируя лишь в треть силы, ВЭО должно было держать руку на пульсе экономической жизни России. Сознвая остроту стоявших перед страной экономических задач, Совет ВЭО обращался весной 1916 г. к известным общественным организациям с предложением о создании при них экономических совещаний для системной работы над народнохозяйственными вопросами. Адресатами подобных обращений явились ВЗС и ВСГ, Московское общество сельского хозяйства, отделение статистики Общества имени А.И. Чупрова для разработки общественных наук при Московском университете, Русское техническое общество. К участию в работе над экономическими вопросами привлекался широкий круг ученых и практиков из числа членов представительных учреждений, деятелей местного самоуправления, кооперативов⁷⁵.

В сентябре 1916 г. ВЭО вновь возобновило переговоры с правительством о возобновлении своей деятельности в полном объеме. На этот раз оно обратилось к министру земледелия графу А.А. Бобринскому. Руководство

⁷² Журналы заседаний Общего Собрания И ВЭО 4 марта 1916 г. // Отчет о деятельности Имп. Вольного экономического общества за 1915 год. С. 94; ГАРФ. Ф. 102.00. 1915. Д. 320. Л. 6, 8 об.; РГИА. Ф. 91. Оп. 1. Д. 680. Л. 11, 21.

⁷³ Струве П.Б. Дневник политика (1925-1935). М., 2004. С. 94.

⁷⁴ Журналы заседаний Общего Собрания И ВЭО 4 марта 1916 г. ... С. 94.

⁷⁵ Русское слово. 1916. 4 апреля, 16 апреля.

ВЭО заявило Бобринскому о желании старейшего научного общества «принять деятельное участие в разработке и освещении тех многочисленных и важнейших экономических задач, которые непрестанно выдвигает жизнь по мере того, как война приобретает все более затяжной характер». «Нестроения в продовольственном деле множатся с каждым днем, – констатировали общественники, – Снабжение населения предметами первой необходимости, даже такими, которыми страна располагает в достаточном количестве, встречает все большие и большие затруднения. Еще большие трудности выдвигаются на очередь в деле урегулирования, согласно требованиям чрезвычайных условий данного момента, в области производственных отношений, а также относительно изыскания средств для дальнейшего ведения войны. Наконец, не менее пристального изучения и освещения требуют вопросы, связанные с выработкой и установлением правильных, здоровых начал экономической политики государства по прекращении войны. В такое время настроение вынужденного бездействовать Императорского Вольного экономического общества является в высшей степени тягостным. Общество не может и не должно молчать как раз тогда, когда общественная мысль болезненно и настойчиво ищет разрешения тех огромных экономических задач, от успешного разрешения которых зависит все будущее нашей страны». Ходатайствуя перед министром земледелия о поддержке, общественники подсказывали ему возможный путь решения вопроса. Они полагали, что Бобринскому потребуется беседа с управляющим МВД А.Д. Протопоповым. Письмо было написано вскоре после назначения Протопопова⁷⁶. Бобринский распорядился о представлении ему доклада о ВЭО и готовился к встрече с министрами внутренних дел и военным для рассмотрения вопроса о возможности возобновления деятельности организации⁷⁷.

Информации об этой встрече нам, однако, обнаружить не удалось. По всей видимости, она не состоялась, поскольку министр земледелия был занят более насущными вопросами. Так, 11 октября он изложил программу деятельности своего министерства в записке «Очередные задачи ведомства земледелия в связи с войной»⁷⁸. Однако времени А.А. Бобринскому было отпущено меньше, чем он мог предполагать: 14 ноября 1916 г. он был освобожден от должности министра земледелия.

В день отставки Бобринского Совет ВЭО заслушивал сообщение своего представителя по поводу отложенного съезда по продовольственному делу, намеченного на 5 – 7 ноября, и телеграфировал организатору съезда – экономическому отделу Союза городов, о необходимости немедленного его созыва ввиду растущих продовольственных затруднений⁷⁹.

---

⁷⁶ В Вольном экономическом обществе // Русские ведомости. 1916. 28 сентября; Речь. 1916. 28 сентября.

⁷⁷ О Вольном экономическом обществе // Речь. 1916. 29 сентября; Вольное экономическое общество // Русские ведомости. 1916. 29 сентября.

⁷⁸ Речь. 1916. 11 октября.

⁷⁹ В Вольном экономическом обществе // Русские ведомости. 1916. 16 ноября.

На следующий день, 15 ноября, в условиях нарастающей дезорганизации народного хозяйства и радикализации политической жизни России, Совет ВЭО обратился к председателю Государственной думы М.В. Родзянко. Деятели ВЭО предостерегали об опасности хозяйственной разрухи в исключительных условиях военного времени и призывали к скорейшей выработке плана урегулирования экономической жизни страны. Обращение к председателю представительного органа власти свидетельствовало, что выработку экономического курса активисты ВЭО связывали уже не со старым режимом, а с новой властью, которой предстояло сформироваться, по их словам, с опорой на «живые (в лексике ВЭО – общественные – *А.Т.*) силы страны»⁸⁰.

В феврале 1917 г. деятельность ВЭО явочным порядком возобновилась. Так, 4 февраля 1917 г. общественники собрались на заседание общего собрания для обсуждения докладов Г.А. Ландау и Д.И. Рихтера. Доклады посвящались вопросу самоопределения народностей России. Известный еврейский публицист и деятель «Союза для достижения полноправия евреев» Ландау трактовал принцип национального самоопределения как реакционный лозунг современности, ведущий к господству одних народов над другими, их неминуемой борьбе и возврату к структурам прошлого. По наблюдениям Ландау развитие человечества вело в противоположную сторону – к взаимопроникновению и взаимодействию народов. По мнению учредителя статистической комиссии при ВЭО Рихтера возникшее среди народов России сепаратистское движение не имело под собой глубоких корней, а с развитием в стране свободы оно должно было затихнуть. Рихтер полагал, что отделение ряда окраин не угрожало государственной целостности России и предрекал, что в случае осуществления принципа свободы самоопределения народностей Россия не только не распадется, но, наоборот, преобразится в могучую федерацию народов. 6 апреля 1917 г. на заседании ВЭО обсуждался доклад Б.Д. Бруцкуса по аграрному вопросу и проект организации при ВЭО Лиги аграрных реформ, призванной стать межпартийным объединением экономистов-аграрников и идейно-практическим центром по подготовке земельной реформы⁸¹. В апреле 1917 г. при ВЭО было создано Петроградское отделение Лиги аграрных реформ.

Таким образом, Вольное экономическое общество, засвидетельствовав правительству с началом Войны безусловную поддержку и забыв в виду провозглашенного курса на «священное единение» былые обиды и притеснения, возложило на себя задачу организации тыла. Объединявшее ведущих экономистов Общество приступило к выработке программы экономической политики, нацеленной на устроение тыла. Элементами этой политики были мониторинг финансово-экономической жизни, экономическая мобилизация, финансовая реформа, борьба с безработицей, продовольственная помощь местностям, несущим на себе тяготы военных действий, материальная помощь

⁸⁰ Телеграмма ВЭО // Русское слово. 1916. 16 ноября.

⁸¹ РГИА. Ф. 91. Оп. 1. Д. 680. Л. 26–27.

жертвам войны. Следуя формулировке самого Общества, оно выступало инициатором «работы общественной мысли над экономическими вопросами». Между тем интерес деятелей ВЭО к насущным хозяйственным нуждам страны был тесно увязан с работой по «сохранению культурных ценностей». Важным направлением просветительской деятельности Общества явились заботы о круге чтения раненых и увечных воинов, выразившиеся в собирании для них книг и периодических изданий.

Как мы сумели убедиться на примере деятельности ВЭО в 1890-х – 1900 гг., факты публичной, просветительской и благотворительной деятельности Общества, особенно настораживали правительство. Приуготовленное историей к роли элитарного объединения сельских хозяев и дворянской интеллигенции, Общество превращалось в выразителя широких общественных чаяний и запросов. При этом оно не оставалось в стороне и от политики, а его членами являлись деятели формировавшихся в России политических партий либеральной и социалистической направленности.

Недоверие власти к старейшему экономическому обществу, умножившееся в разы в условиях военного времени, привело к приостановлению действий организации в канун ее 150-летия. Правительственные меры были нацелены на лишение Вольного экономического общества внутренней самостоятельности и свободы обсуждения.

Административные гонения в отношении ВЭО оказали отрезвляющее воздействие на либеральную общественность, обусловив ее отказ от безапелляционной поддержки правительства и переход в оппозицию к нему, сначала осторожную, а затем все более открытую и бескомпромиссную. Конфликт Вольного экономического общества с властью, наряду с рядом других событий социальной и политической истории поздней имперской России, имел своим итогом разделение России на два «лагеря»: правительственный и общественный.